

На правах рукописи

ХОЛИКОВ Алексей Александрович

**ПРИЖИЗНЕННОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО
В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
(Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ)**

Специальность 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2014

Работа выполнена на кафедре теории литературы филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный консультант: профессор, доктор филологических наук
Клинг Олег Алексеевич

Официальные оппоненты: **Тюпа Валерий Игоревич**
доктор филологических наук, профессор
Российский государственный гуманитарный
университет,
заведующий кафедрой теоретической и
исторической поэтики историко-
филологического факультета

Малыгина Нина Михайловна
доктор филологических наук, профессор
Московский городской педагогический
университет,
профессор кафедры русской литературы

Красильников Роман Леонидович
доктор филологических наук, доцент
Вологодский государственный университет,
профессор кафедры теории, истории культуры
и этнологии

Ведущая организация: Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН
(ИМЛИ РАН)

Защита состоится 9 октября 2014 г. в 16:00 часов на заседании диссертационного
совета Д 501.001.32 при Московском государственном университете имени
М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ им.
М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический
факультет. С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова и на сайте филологического
факультета: www.philol.msu.ru.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2014 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Полные собрания сочинений как вид издания нуждаются в специальном теоретическом и историко-литературном изучении, поскольку принадлежат к наименее исследованным метатекстовым образованиям. Что касается *прижизненных* полных собраний сочинений (далее – ППСС), то даже книговеды выстраивают классификацию видов изданий без их учета¹, а литературоведы, в свою очередь, недостаточное внимание уделяют работе писателей над подготовкой полных собраний своих сочинений, в частности ее соотношению с ролью издателя, составителя и редактора.

В то же время собрания сочинений русских писателей рассматривали многие ученые: Д.Д. Благой, Б.Я. Бухштаб, А.Л. Гришунин, Н.К. Гудзий, Н.П. Лавров, С.П. Омилянчук, Е.И. Прохоров, Е.И. Рыскин, Л.А. Спиридонова и др.² При этом полные собрания сочинений интересуют литературоведов прежде всего в прикладном аспекте, когда ставится задача редакционно-текстологической подготовки того или иного издания либо оценивается то или иное ее решение (см. некоторые работы недавнего времени³ таких исследователей, как А.Ю. Балакин, С.В. Белов, В.И. Глоцер, Р.С. Головина, Л.Д. Громова-Опульская, В.Н. Дядичев, А.С. Крюков, Е.Г. Куликова, В.К. Лосская, Ю.М. Лотман, М. Нике, А.Н. Николукин, Т.И. Орнатская, Е.Б. Пастернак, В.Д. Рак, Д. Савелли, С.И. Субботин, В.А. Туниманов, С.А. Фомичев, Г.М. Фридендер и др.⁴).

¹ См.: Типология изданий / [Подгот. В.С. Агриколянский и др.] М., 1990. С. 93 – 103.

² *Благой Д.Д.* Типы советских изданий русских писателей-классиков // Вопросы текстологии. Вып. 1. М., 1957; *Бухштаб Б.Я.* Проблема типологии литературно-художественных изданий // Книга: Исследования и материалы. Сб. 32. М., 1976; *Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998; *Гудзий Н.* По поводу Полных собраний сочинений писателей // Вопр. лит. М., 1959. № 6; *Лавров Н.П.* Редакционно-текстологическая подготовка собраний сочинений советских писателей // Книга: Исследования и материалы. Сб. 11. М., 1965; *Омилянчук С.П.* Проблемы типологии собраний сочинений // Книга: Исследования и материалы. Сб. 18. М., 1969; *Прохоров Е.И.* Текстология: Принципы издания классической литературы. М., 1966; *Рыскин Е.И.* Основные издания сочинений русских писателей XIX века. М., 1948; *Спиридонова Л.* К вопросу о типах изданий // Текстологический вестник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009.

³ Более ранние труды см.: *Лебедева Е.Д.* Текстология русской литературы XVIII – XX вв. Указатель советских работ на русском языке. 1917 – 1975. М., 1978; *Лебедева Е.Д.* Текстология. Вопросы теории. Указатель советских работ за 1917 – 1981 гг. М., 1982; *Лебедева Е.Д.* Текстология русской литературы XVIII – XX вв. Указатель советских работ на русском языке. 1976 – 1986. М., 1988; Советское литературоведение и критика. Теория литературы. Библиографический указатель. 1917 – 1967. Ч. 1 – 4. М., 1989; Советское литературоведение и критика, 1917 – 1925: Библиографический указатель литературы на русском языке. Ч. I – III. New York, 1994.

⁴ *Балакин А.* Первый том академического Тютчева // Новый мир. М., 2004. № 5; *Белов С.В.* Полное собрание сочинений Достоевского: дополнения, ошибки, купюры // Достоевский в культурном контексте XX века. Омск, 1995; *Глоцер В.* Не то, не так, не там...: К выходу в свет двух томов Полного собрания сочинений Даниила Хармса // Лит. газ. М., 1997. № 38; *Головина Р.С.* Полное собрание сочинений и писем В.С. Соловьева // Науч. книга. М., 2000. № 2; *Громова-Опульская Л.Д.* Весь Лев Толстой // Науч. книга. М., 2000. № 2; *Дядичев В.* Есенин академический // Наш современник. М., 1996. № 7; *Крюков А.С.* О «полном научном собрании текстов» А. Ахматовой // Эйхенбаумовские чтения. Вып. 5. Ч. 2. Воронеж, 2004; *Куликова Е.Г.* Возвращение на родину: К выходу в России Полного собрания сочинений И.С. Шмелева // Книгочей. М., 2001. Вып. 7; *Лосская В.* Возможно ли и нужно ли издание «Полного собрания сочинений» Марины Цветаевой? // Рус. мысль. Париж, 1994. 8 – 14 дек. № 4056; *Лотман Ю.М.* К проблеме нового академического издания Пушкина // Пушкинские

Случай Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865 – 1941) в этой связи особенно показателен. Писателю удалось при жизни выпустить два полных собрания сочинений с минимальным хронологическим интервалом. Первое – в 17 томах (СПб.; М.: М.О. Вольф, 1911 – 1913), второе – в 24-х (М.: И.Д. Сытин, 1914). Издания существенно различаются как по составу и композиции, так и по качеству подготовки. Представляется, что на их примере можно наиболее рельефно продемонстрировать методологические принципы изучения ППСС. Наконец, творчеством Мережковского крайне редко занимаются теоретики литературы, а его ППСС специально совсем не изучались. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена и этими лакунами.

Что касается общего состояния мережковсковедения, то первые работы о писателе стали появляться в конце 1880-х годов, когда молодой автор дебютировал как поэт и критик. К моменту издания второго ППСС литература о Мережковском (включая рецензии) насчитывала свыше 500 наименований. Однако большую часть этих работ нельзя назвать научными. За редкими исключениями, они проходили по ведомству критики и публицистики. В силу обстоятельств (эмиграция писателя, его антибольшевистские выступления в печати), обусловивших забвение на родине, отечественное мережковсковедение начало активно развиваться только в постперестроечное время. В основном же в советские годы изучением жизни и творчества русского писателя занимались за рубежом. Много было сделано такими исследователями, как С.Н. Bedford, Н. Björkell, J. Chuzeville, E. Clowes, I. Golik, M. Gras, C. de Grève, P. Hart, O. Holovaty, G.R. Jahn, W. Lednicki, S. Levitzky, R.E. Matlaw, A. Pyman, B.G. Rosenthal, E. Salgaller, J.P. Scanlan, U. Spengler, H.A. Stammmer, I. Svatonova, Z. Zakiewicz. За последние годы появились не менее значимые работы других иностранных ученых: N. Andrić, N. Caprioglio, P.G. Christensen, K. Ciešlik, A. Dagnino, G.A. Davis, A. Dudek, J.S. Durrant, S. le Fleming, B. Fonseca, M.J. Fontenot, A. Frajlich, J. Friedman, R. Gamziukaite-Maziuliene, S. Garzonio, J. Grzymkowska, M. Iwińska, J.E. Kalb, L. Leszczenko, S.S. Lim, K. Lodge,

---

чтения в Тарту. Таллин, 1987. С. 89 – 95; *Нике М.* О полном собрании сочинений Сергея Есенина // Рос. писатель. М., 2004. № 6; *Николюкин А.* Как издавать В.В. Розанова? // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей. М., 2003; *Орнатская Т.И.* Л.Н.Толстой. Полное собрание сочинений в ста томах. Художественные произведения // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 2004. Т. 63. № 1; *Пастернак Е.* «Старались сделать Собрание сочинений академическим» // Книжное обозрение. М., 2006. № 29/30; *Рак В.Д.* Новое академическое Полное собрание сочинений А.С. Пушкина // Вестник Рос. гуманитар. науч. фонда. М., 1999. № 1; *Савелли Д.* Как издавать Полное собрание сочинений Бориса Пильняка // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей. М., 2003; *Субботин С.И.* О подготовке собрания сочинений С.А.Есенина // Новое лит. обозрение. М., 1993. № 5; *Туниманов В.А.* Академическое собрание сочинений и писем И.А. Гончарова // «Благой фонд, благое дело»: К 10-летию Рос. гуманитар. науч. фонда. М., 2004; *Фомичев С.* Новое академическое Полное собрание сочинений Пушкина в системе источниковедческих изданий // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей. М., 2003; *Фридлиндер Г.М.* О научных принципах и задачах академических изданий русских классиков (на материале Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1991. Т. 50. № 5.

Й.Д. Люцканов, О. Matich, Т. Pachmuss, А. Pondopulo, Е. Przechodzki, L. Senelick, С. Suszka, J. Szędzielorz, М. Węcowski. Однако теперь количество российских научных публикаций во много раз превысило зарубежные.

Каждый год в нашей стране появляются десятки новых исследований. Предварительная работа по составлению библиографического указателя к научным трудам о Мережковском была недавно проделана А.Г. Бойчуком в рамках издания: *Русская литература конца XIX – начала XX века. Библиографический указатель. Том I (А – М)*. М., 2010. Однако формат большого коллективного труда не позволил составителю учесть очень многие ценные исследования, появившиеся как за последнее десятилетие, так и раньше. Кроме того, в библиографию выборочно включена не только научная литература о Мережковском⁵, но и критика, воспоминания современников, письма, сочинения самого писателя. Поскольку полный перечень написанного и опубликованного Мережковским до сих пор отсутствует⁶, составленная библиография имеет безусловную ценность, но, повторим, не лишена значительных пропусков.

Учитывая, что Мережковский был не только писателем (прозаиком, драматургом, поэтом), но и критиком, публицистом, переводчиком, религиозным мыслителем, неудивительно, что на материале его творческого наследия свои кандидатские и докторские диссертации защищают – начиная с 1989 года – не только литературоведы⁷ и лингвисты⁸, но также философы⁹, историки¹⁰, культурологи¹¹,

⁵ См. также: *Николюкин А.Н.* Писатели и критики русской эмиграции о Д.С. Мережковском // *Д.С. Мережковский: pro et contra*. СПб., 2001. С. 560 – 564.

⁶ См. также: *Ларин О.Я.* Хронологический указатель произведений Д.С. Мережковского // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. Т. 24. М., 1914. С. 120 – 139; *Фомин А.Г.* Сочинения Д.С. Мережковского // *Русская литература XX века (1890 – 1910)*. В 2 кн. Кн. 2. М., 2000. С. 405 – 411 (впервые – там же: т. II. М., 1915. С. 182 – 190); *Владиславлев И.В.* Русские писатели: Опыт библиографического пособия по русской литературе XIX – XX ст. 4-е перераб. и значит. дополн. изд-е. М.; Л., 1924. С. 79 – 82; *История русской литературы конца XIX – начала XX века. Библиографический указатель* / Под ред. К.Д. Муратовой. М.; Л., 1963. С. 304 – 311; *Кумпан К.А.* Примечания // *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 754 – 904; *Андрущенко Е.А.* Примечания // *Мережковский Д.С.* Драматургия. Томск, 2000. С. 674 – 761; *Колеров М.* Индустрия идей: Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники 1887/1947. М., 2000; *Коростелев О.А., Николюкин А.Н.* Комментарии // *Мережковский Д.С.* Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001. С. 583 – 646; *Анастасьева И.Л., Домогацкая Е.Г., Певак Е.А.* Комментарии // *Мережковский Д.С.* Было и будет. Дневник. 1910 – 1914; Невоенный дневник. 1914 – 1916. М., 2001. С. 459 – 508; *Философское содержание русских журналов начала XX в.* Статьи, заметки и рецензии в литературно-общественных и философских изданиях 1901 – 1922 гг. Библиографический указатель / [Сост.] А.А. Ермичев. СПб., 2001; *Философское содержание русских журналов начала XX в.* Вып. 2. Статьи, заметки и рецензии в изданиях духовных и светских учебных заведений, общенаучных, критико-библиографических, общественно-политических и иных журналах. Библиографический указатель / Сост. А.А. Ермичев. СПб., 2006; *Андрианова М.Д., Мартынов Г.Г., Успенская А.В.* Примечания // *Дафнис и Хлоя. Итальянские новеллы. Шарль Бодлер. Избранные стихотворения* / Пер. с греч., ит., фр. Дмитрия Мережковского. М., 2010. С. 325 – 445.

⁷ Т.А. Александрова, Е.А. Андрущенко, А.М. Атрохин, Е.Г. Белоусова, И.А. Билибина, В.Н. Быстров, И.В. Вальченко, А.М. Ваховская, Т.В. Воронцова, И.В. Гречаник, А.В. Дехтяренко, А.А. Журавлева, Е.Г. Кабакова, Т.Ю. Ковальчук, М.А. Ковыршин, Н.Г. Коптелова, Е.В. Корочкина, Ю.Р. Кричевская, О.Ю. Круглов, Н.В. Кузнецова, О.В. Кулешова, И.М. Михайлова, В.О. Михеев, А.Н. Михин, М.В. Мосиенко, Н.А. Никулина, Е.Ю. Осмоловская, Е.А. Осьминина, А.В. Петров, Л.З. Полещук, В.В. Полонский, Я.В. Сарычев, Н.М. Сергеева, Е.Г. Солнцева, Л.Н. Флорова, И.А. Хромова, М.А. Хуберт, А.В. Чепкасов, В.В. Шабаршина, Т.С. Шевчук.

⁸ Т.А. Неверова.

искусствоведы¹². Фамилия Мережковского фигурирует в названиях более 20 книг на русском языке. Главы о писателе появляются и в других монографиях, учебных пособиях. По нашим подсчетам, за последние два десятилетия опубликовано почти 1000 научных статей о Мережковском¹³.

Современное состояние мерезковсковедения можно признать относительно благополучным, хотя многое из того, что должно быть сделано, ожидает ученых. До сих пор отсутствует полная летопись жизни и творчества писателя (существующие хроники¹⁴ – только первый шаг на этом пути); не издано академическое собрание сочинений (хотя есть хороший задел¹⁵). Эмигрантская проза Мережковского изучена гораздо полнее, в то время как из доэмигрантских произведений исследователи, как правило, обращаются к первой трилогии «Христос и Антихрист», а из второй («Царство Зверя») чаще всего выбирают роман «Александр I» и пьесу «Павел I».

Объектом диссертации является ППСС как разновидность метатекста в творчестве русских писателей (привлечены издания более сорока авторов), а **предметом** специального анализа – два прижизненных издания полных собраний сочинений Мережковского. Диссертация написана на стыке текстологии и теории литературы, но с уклоном в текстологию. Именно текстологический анализ может дать специалисту по творчеству Мережковского много ценного: позволит публикаторам не ограничиваться отрывочными и широко растиражированными сведениями по истории текстов писателя; предоставит возможность точнее, чем раньше, проследить развитие его взглядов на те или иные вопросы; даст дополнительный материал для изучения его творческой лаборатории. Наконец, в современных условиях, когда текст, по образному выражению О.Г. Ревзиной, «“ускользает” от научных парадигм»¹⁶ и происходит, по справедливому замечанию

⁹ Н.В. Анненкова, С.Н. Беляя, С.П. Бельчевичен, М.Г. Малашонок, И.К. Москвина, О.В. Пчелина, Н.А. Царева.

¹⁰ А.А. Воеводина, Т.Н. Полевик, В.Л. Семигин, В.Н. Тараскина.

¹¹ И.Л. Анастасьева, Ф.Т. Ахунзянова, О.В. Десяткова.

¹² И.Н. Муравьева, В.В. Стебляк.

¹³ Подробнее о них см.: *Холиков А.А.* Основные научные работы о Д.С. Мережковском: материалы к библиографии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та. Сер. III: Филология. 2011. Вып. 2 (24). С. 107 – 167.

¹⁴ См.: [Без сост.] Основные даты жизни и творчества Д.С. Мережковского // Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 618 – 622 (при подготовке хронологии использованы материалы К. Колпакова); *Зобнин Ю.В.* Основные даты жизни и творчества Д.С. Мережковского // Зобнин Ю.В. Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. М., 2008. С. 397 – 428.

¹⁵ Академическими (и близкими к ним) можно считать издания: *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000; *Мережковский Д.С.* Драматургия. Томск: Водолей, 2000; *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000; *Мережковский Д.С.* Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб.: РХГИ, 2001; *Мережковский Д.С.* Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука, 2007. Хорошим подспорьем является антология: *Д.С. Мережковский: pro et contra.* СПб.: РХГИ, 2001.

¹⁶ *Ревзина О.Г.* Текст: ускользающий объект // Научные доклады филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Вып. VI. М., 2010. С. 3.

О.А. Клинга, «разрушение привычного понимания текста»¹⁷, предлагаемое исследование может не только стать прологом к большой текстологической работе по изучению *всего* творческого наследия Мережковского, но и способствовать уяснению такой литературной формы бытования текста, как ППСС. История изданий (в том числе несостоявшихся) – важная форма функционирования литературы, а обращение авторов ППСС к современникам, отзывы критиков и литературоведов, раскупаемость тиражей касаются коммуникативной стороны творчества (в том числе вопросов читательского восприятия), позволяют судить об адресате и реальном читателе этих изданий. Таким образом, проблема *историко-функционального изучения литературы* – одна из важнейших в предлагаемом исследовании.

Цель диссертации – описать теоретическую модель ППСС русских писателей как структурно-семантического единства на материале соответствующих изданий 45 авторов, подробно рассмотреть пути достижения искомого единства в двух ППСС Мережковского. Для этого поставлены следующие **задачи**:

- выявить ППСС русских писателей;
- реконструировать историю возникновения и функционирования полных собраний сочинений в русской литературе XVIII – XX веков;
- уточнить типологию полных собраний сочинений;
- разработать классификацию ППСС;
- теоретически сформулировать задачи комплексного научного рассмотрения ППСС и проиллюстрировать их на примере двух соответствующих изданий Мережковского;
- собрать архивные и опубликованные материалы о подготовке ППСС Мережковского;
- проследить за тем, как ППСС обретает статус структурно-семантического единства.

Ограничения, накладываемые на решение задач. В теоретической части автора в первую очередь интересовали ППСС русских писателей, изданные на русском языке. Таким образом, в поле зрения не входили ППСС философов, политических и религиозных деятелей, ученых и всех тех, кто не писал художественные произведения. Не учитывались, к примеру, прижизненное «Полное собрание сочинений» П.Ф. Алисова, поскольку в него включены только публицистические работы критика и поэта, «Полное собрание сочинений, печатавшихся до сих пор за границей» Л.Н. Толстого или его же «Полное собрание сочинений, запрещенных русской цензурой» как не содержащие художественных

¹⁷ Клинг О.А. Текст в современном литературоведении: с «берегами» и «без берегов» // Научные доклады филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Вып. VI. М., 2010. С. 16.

текстов. В сферу внимания попадают только русские (писавшие по-русски) авторы художественных текстов XIX и XX веков, поскольку до этого, как удалось установить, ППСС в русской литературе не появлялись. Наконец, привлекались только те издания, в названиях которых присутствуют слова «*Полное собрание сочинений*», а не «*Сочинения*» (в том числе – относящиеся к серии «*Полное собрание сочинений русских авторов*», издававшейся А.Ф. Смирдиным) или «*Собрание сочинений*». Соответственно, исключительно по *формальному* принципу¹⁸, за рамки выносятся прижизненные «*Полное собрание стихов*» К.Д. Бальмонта, «*Полное собрание стихотворений*» Н.В. Гербеля и одноименные издания Н.М. Минского, Я.П. Полонского, Д.М. Ратгауза, Д.И. Хвостова, «*Полное собрание сочинений и переводов*» В.Я. Брюсова, «*Полное собрание драматических сочинений и переводов*» А.Ф. Федотова, «*Полное собрание повестей и рассказов*» И.И. Ясинского и другие подобные издания.

Материалом исследования стали ППСС таких авторов (всего их 45), как Л.Н. Андреев, Д. Бедный, А.П. Библик, Ф.В. Булгарин, К. Булычев¹⁹, И.А. Бунин, В.В. Вересаев, М. Вовчок, П.А. Вяземский, Н.Г. Гарин-Михайловский, К.Ф. Головин, И.А. Гончаров, М. Горький, Д.В. Григорович, А.С. Грин, С.И. Гусев-Оренбургский, Ф.М. Достоевский, П.В. Жадовский, Н.П. Жандр, В.Д. Залозецкий, Н.Н. Каразин, В.Г. Короленко, А.И. Куприн, А.Н. Майков, Д.С. Мережковский, Д.Л. Мордовцев, А.Н. Островский, С.П. Подъячев, Я.П. Полонский, К. Прутков²⁰, П.С. Романов, А.И. Сvirский, А.С. Серафимович, С.Н. Сергеев-Ценский, Скиталец, И.В. Соколов, Вс.С. Соловьев, А.И. Сумбатов, С.Г. Фруг, А.П. Чехов, А.К. Шеллер-Михайлов, В.Я. Шишков, И.Г. Эренбург, С.С. Юшкевич, А.С. Яковлев. Введены в научный оборот архивные материалы, касающиеся издания двух ППСС Мережковского.

Теоретическая и методологическая основа работы. Предмет, проблематика и связанные с ними цели и задачи диссертации определили методы исследования.

¹⁸ Этот принцип теоретически значим и в контексте поэтики заглавий (разрабатываемой со времен С.Д. Кржижановского), и в свете поэтики авторской подписи. Единственная на сегодняшний день работа, написанная на эту почти не тронутую тему, принадлежит С.И. Кормилу. Наблюдения ученого над тем, как менялось расположение имени автора по отношению к заглавию отдельных произведений, полностью подтверждаются на материале ППСС русских писателей. Так, в досоветский период на титульных листах имя располагалось после заглавия («*Полное собрание сочинений Леонида Андреева*»). Позднее в издательской практике стали акцентировать личность автора («А. Библик. Полное собрание сочинений»). По верному замечанию ученого, прежде «заглавие было в большей степени “визитной карточкой” произведения, чем имя автора, даже очень известное» (Кормилов С.И. Роль подписи автора при публикации литературного произведения // «Склонила Муза лик печальный...»: Памяти Николая Николаевича Пайкова. В 2 т. Т. 1. Ярославль, 2011. С. 19). Думается, немалую роль в этом сыграла коммерческая составляющая книгоиздания (заглавие определяло покупательский спрос). В советское время, после ликвидации частных издательств, выпуск книг перестал определяться вкусами читателей, рекламная функция заглавия отошла на второй план.

¹⁹ Далеко не самый показательный пример для нашей темы.

²⁰ Особый случай, который являет собой в полном смысле слова цельное художественное произведение и не может быть рассмотрен в одном ряду с ППСС реальных людей, т.к. под псевдонимом скрывалось несколько авторов: П.П. Ершов, А.К. Толстой, В.М. Жемчужников, Александр М. Жемчужников, Алексей М. Жемчужников.

Руководствуясь тем, что все существующие литературоведческие методы ограничены определенными исходными когнитивными и социальными установками, диссертант предпочел *координирующий подход*, отказавшись от безоговорочного следования какому-либо одному методу, ориентируясь прежде всего на вненаправленческие теоретические построения и конкретные исследования отечественных литературоведов. При этом наиболее приемлемым, на наш взгляд, является *историко-генетическое изучение текста*, которому должно сопутствовать (если воспользоваться формулировкой А.П. Скафтымова) «статическое рассмотрение изучаемого явления, т.е. установление его признаков и свойств самих по себе, как они явлены в самом пребывании изучаемого факта»²¹. Важным методологическим принципом явилось признание автора биографического и автора-творца неотъемлемыми понятиями литературоведения, без учета которых анализ художественного произведения не может быть плодотворным. Несмотря на неравенство автора биографического и автора-творца, представляется существенным замечание Д.С. Лихачева о том, что «в биографии писателя скрываются многие объяснения его произведений»²². Итак, предпринятое исследование предполагало такое рассмотрение литературных явлений, при котором активно учитывается личность писателя, и во многом опиралось на *персоналистскую ветвь* (выражение В.Е. Хализева) в литературоведении XX века. В русле этого направления научной мысли находятся хорошо известные труды С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова, Л.Я. Гинзбург, Д.Е. Максимова, А.В. Михайлова, А.П. Скафтымова. Применительно к литературе Серебряного века, на которой автор сосредоточился, методологически значимыми являются, в первую очередь, работы Е.А. Андрущенко, Н.А. Богомолова, В.Н. Быстрова, Ю.В. Зобнина, В.А. Келдыша, О.А. Клинга, Л.А. Колобаевой, С.И. Кормилова, В.Н. Крылова, А.В. Лаврова, З.Г. Минц, М.В. Михайловой, В.В. Полонского, В.А. Сарычева, Н.М. Солнцевой и др.

Научная новизна диссертации сводится к следующим результатам.

- Впервые составлен перечень ППСС русских писателей.
- Пересмотрена и существенно расширена типология полных собраний сочинений русских писателей.
- Разработана классификация ППСС русских писателей.
- Описана теоретическая модель ППСС как структурно-семантического единства, что имеет прямое отношение к развитию теории метатекста и «макротекстологии» (термин Д.С. Лихачева).

²¹ Скафтымов А.П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения. М., 2007. С. 23.

²² Лихачев Д.С. О конкретном литературоведении // Лихачев Д.С. Избранные работы. В 3 т. Т. 3. Л., 1987. С. 456.

- На материале ППСС 45 авторов впервые сформулированы принципы комплексного изучения данного метатекстового образования и проиллюстрированы на примере двух ППСС Мережковского.
- Благодаря привлечению широкого круга источников рассмотрена история возникновения и функционирование полных собраний сочинений (не только прижизненных) русских писателей в литературе XVIII – XX веков.
- С учетом печатных, рассеянных в дореволюционной периодике, и архивных материалов (РГАЛИ, НИОР РГБ, РО ИРЛИ и др.) продолжено изучение рецепции творчества Мережковского профессиональным сообществом и широким читателем, а на примере двух ППСС писателя решается текстологическая проблема соотношения авторских и редакторских составляющих творческого процесса.
- Исследование феномена популярности Мережковского у современников впервые проводится на пересечении словесного и визуального рядов: с одной стороны, автобиографии и фотографии, а с другой – мемуара и карикатуры.

Положения, выносимые на защиту:

1. Принципы построения (не говоря о содержании) ППСС индивидуальны. Речь в данном случае идет не о новой научной категории, а о давно существующем, но не исследованном прежде литературном феномене.
2. ППСС представляют типологическую разновидность литературных метатекстов (ансамблевых, или составных текстовых, образований) и не являются формой художественной циклизации по совокупности содержательных и конституирующих признаков.
3. Изучение ППСС целесообразно вести одновременно с позиций текстологии, истории литературы и поэтики. При этом в исследовании ППСС с позиций текстологии научно значим и необходим «макротекстологический» подход.
4. Наибольший исследовательский интерес представляют авторизованные ППСС (появление которых стало следствием развития коммерческих отношений между издателями и авторами), завершённые и переиздававшиеся. Несмотря на недостатки (относительность полноты, слабость текстологической подготовки, ошибки, опечатки и адресованность прежде всего массовому читателю), такие издания ценны, поскольку отражают авторскую волю (а в случае переиздания – ее изменчивость) и оценку писателем собственного наследия (она проявляется уже в отборе и расположении текстов). Без тщательного изучения подобных изданий невозможно достичь глубокого понимания личности автора, его творчества и подготовить академическое полное собрание сочинений.

5. Анализ авторизованных ППСС представляет выявление содержательных моментов этой полисемантической структуры, собственно формальных компонентов, отражающих в своем единстве творческую волю автора, но главное – установление связей между ними. Формально-содержательные связи в данном случае выходят на первый план, поскольку они обеспечивают целостность всей конструкции. Анализ формы ППСС строится с опорой на константные и связующие компоненты предметного, композиционного и словесного уровней в границах всего собрания. Что касается изучения авторизованных ППСС в содержательном плане, то оно позволяет определить их «семантические поля»²³ на тематическом и идейном уровнях, а также выявить между ними эксплицитные (программное осуществление авторской воли) и имплицитные (подтекстовые) связи, образующие смысловой каркас. Учитывая первостепенность воли писателя как силы, организующей авторизованные ППСС, можно предположить, что тематический уровень наиболее интересен с точки зрения запечатления в нем духовно-биографического опыта творца.
6. Оба ППСС Мережковского относятся к числу авторизованных изданий, на что указывают обнаруженные нами прямые и косвенные доказательства.
7. Текстологическое изучение двух ППСС Мережковского дает основания для утверждения, что, несмотря на более качественную подготовку второго, ни одно из них не может быть положено в основу современного научного или академического издания без дополнительной критики текстов и тщательной проверки фактов.
8. Причины издания двух ППСС Мережковского лежат одновременно в двух плоскостях: творческой и финансовой.
9. В творчестве Мережковского в качестве источника для толкования художественных образов могут рассматриваться некоторые биографические факты.
10. Аналитическое рассмотрение константных компонентов предметного, композиционного и словесного уровней в границах отдельного прижизненного «Полного собрания сочинений» Мережковского позволяет говорить о двух системах «семантических полей» («пол» и «религия») с разветвленной сетью смысловых переключек между ними, слагающейся из образов персонажей с

---

²³ Словоупотребление «семантическое поле» (давно существующее в лингвистике в качестве термина с четкой дефиницией) здесь используется на правах *научной метафоры* или *ситуативного термина*. Речь идет о самой крупной смысловой единице, которая может быть выделена в составе ППСС, объединяющей компоненты содержания разных текстов по общим признакам. Подразумевается, что так называемые «семантические поля» связаны между собой, образуя идейно-тематическое единство.

соответствующими характеристиками и ценностными ориентациями, а также ситуаций, в которых они оказываются.

11. Имплицитные связи, выявленные в процессе анализа формы второго ППСС, доказывают, что Мережковский – исключительно автореференциальный писатель, для которого характерно повторение, варьирование или противопоставление одних и тех же компонентов предметного, композиционного и словесного уровней. Благодаря обнаруженным кросс-референциям во многом обеспечивается восприятие всех произведений в собрании сочинений как единого текста.

12. Второе ППСС Мережковского в гораздо большей степени, чем первое, представляет собой структурно-семантическое единство.

Теоретическая и практическая значимость. Проведенное исследование позволило уточнить общетеоретические представления о метатекстовых образованиях как структурно-семантических единствах и принципах их научного рассмотрения. Результаты работы могут использоваться в построении академической теории литературы (в разделах, посвященных проблемам генезиса литературного творчества, автора и форм его присутствия в тексте, статуса литературного произведения, его состава, композиции и принципов рассмотрения), дальнейшем изучении творчества Мережковского, а также при подготовке полного академического собрания сочинений писателя. Кроме того, материалы и выводы диссертации могут быть востребованы в практике вузовского преподавания: при чтении общих курсов «Введение в литературоведение» («Основы литературоведения»), «Теория литературы» и подготовке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам текстологии и поэтики, историко-функционального изучения литературы (в том числе читательского восприятия).

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации излагались в докладах на международных научных конференциях в период с 2003 по 2013 год в России (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ), Италии (Università degli Studi di Padova), Швейцарии (Université de Lausanne), на Украине (Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды).

Принципы и результаты исследования апробировались в процессе преподавательской деятельности на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

Основное содержание и выводы диссертации отражены в публикациях автора, среди которых 2 монографии, 18 публикаций в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК РФ, 6 публикаций в зарубежных журналах и сборниках, 4 публикации по теме диссертации в других изданиях.

Структура и объем диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, приложения (ропись содержания полных собраний сочинений Д.С. Мережковского) и библиографии, состоящей из 4 параграфов (§ 1. Источники, использованные при составлении списка прижизненных полных собраний сочинений русских писателей. § 2. Работы по книговедению и издательской деятельности. § 3. Работы по текстологии. § 4. Работы о Д.С. Мережковском) и 1328 наименований на русском и иностранных языках. Общий объем работы – 592 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы и проанализирована степень ее разработки; разграничены предмет и объект исследования; сформулированы цель работы, задачи и ограничения, накладываемые на решение задач; определены материал исследования, его теоретическая и методологическая основа, научная новизна; перечислены положения, выносимые на защиту; приведены сведения об апробации исследования, его структуре и объеме.

Первая глава «Полное собрание сочинений: вопросы истории и типологии» состоит из пяти параграфов.

В **первом параграфе «Основные типы и виды собраний сочинений»** рассматриваются принятые в текстологии и книговедении классификации изданий писательских сочинений с точки зрения их типа (академические, научные, научно-массовые, массовые, или популярные) и вида (полное собрание сочинений; собрание сочинений, или сочинения; избранные сочинения, или избранные произведения, избранное; сборники произведений; отдельное издание одного произведения). На основании рассмотренных примеров установлено, что полные собрания сочинений вызывают литературоведческий интерес преимущественно в аспекте эдиционной практики, при подготовке изданий Ф.М. Достоевского, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и др. Между тем полные собрания сочинений заслуживают специального изучения и в теоретико-литературном, и в историческом плане.

Во **втором параграфе «Полные собрания сочинений русских писателей: история возникновения и типологическая классификация»** речь идет о причинах, обусловивших выпуск полных собраний сочинений (от изданного Н.И. Новиковым «Полного собрания всех сочинений...» (1781 – 1782) А.П. Сумарокова и до советского времени, когда выход собраний сочинений «превращается в государственное мероприятие идеологического, научного и культурно-исторического значения»²⁴) и побудивших исследователей к изучению всего творческого наследия

²⁴ Издание собраний сочинений в СССР / [Без сост. и ред.] М., 1976. С. 3. В условиях советского времени отношение к изданию собраний сочинений писателей коренным образом изменилось по сравнению с

писателей. Как обнаружено, в типологическом отношении (тип в данном случае определяется запросами читательских групп) полные собрания сочинений представлены и массовыми (полное собрание сочинений Н. Щедрина (М.Е. Салтыкова) в 20 томах (М.; Л., 1933 – 1941)), и научно-массовыми (полное собрание художественных произведений Ф.М. Достоевского в 13 томах (Л., 1926 – 1930)), и научными (полное собрание сочинений Н.Г. Чернышевского в 16 томах (М., 1939 – 1953)), и академическими (полное собрание сочинений и писем И.А. Гончарова в 20 томах, издаваемое ИРЛИ РАН с 1997 года) изданиями. Вместе с тем как в советское, так и постсоветское время выходили и выходят издания, претендующие на статус академических, однако еще Д.Д. Благой верно заметил, что «почти между всеми изданиями этого рода имеется, порой существенная, несогласованность»²⁵. Эта несогласованность, заметим, сохраняется до сих пор и составляет одну из насущных проблем.

В третьем параграфе «Полные собрания сочинений русских писателей: историческая классификация и функционирование» в дополнение к типологической выстраивается классификация полных собраний сочинений в историческом срезе. Таким образом, кроме академических изданий (появление которых в России связано с XX веком, когда текстология стала отчетливо оформляться как научная дисциплина в работах В.Н. Перетца, Г.О. Винокура, Б.В. Томашевского и др. с 1920-х годов²⁶), можно выделить *доакадемические* издания, часть из которых впоследствии послужила основой академических. Условно доакадемические полные собрания сочинений могут быть разделены на *посмертные* и *прижизненные*. В этой связи реконструируется история возникновения и функционирования посмертных полных собраний сочинений. Обобщен опыт книгоиздательской деятельности Н.И. Новикова, А.Ф. Смирдина (серия «Полное собрание сочинений русских авторов»), М.О. Вольфа и Ф.Т. Стелловского (которые решили продолжить выпуск той же серии), А.Ф. Базунова («Библиотека современных писателей»), А.Ф. Маркса (приложения к журналу «Нива»), И.Д. Сытина (приложения к журналу «Вокруг света» и газете «Русское слово») и др. Что касается

дореволюционными годами. Декретом о Государственном издательстве (от 11 января 1918 года) были впервые определены два типа советских собраний сочинений: «полное научное издание» и «сокращенное издание избранных сочинений». Однако главное изменение коснулось того, что выпуск полных собраний сочинений приобрел идеологическое значение (его коммерческая составляющая минимизировалась).

²⁵ Благой Д.Д. Типы советских изданий русских писателей-классиков // Вопросы текстологии. Вып. 1. М., 1957. С. 11.

²⁶ Г.М. Фридендер отмечал, что работа над созданием академических собраний сочинений русских писателей была начата в стенах Российской академии наук еще в XIX веке, но в то время она не имела строгой методологической опоры (см.: Фридендер Г.М. О научных принципах и задачах академических изданий русских классиков (на материале Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского). С. 401).

ППСС²⁷ русских писателей, то в отличие от посмертных они появились значительно позже (произведенный анализ источников показывает, что первым в этом ряду было «Полное собрание сочинений» Ф.В. Булгарина в 7 томах, 1839 – 1844)²⁸. Отнесение ППСС к доакадемическим изданиям неслучайно. Хотя они и будут изредка выпускаться в советское и постсоветское время (когда на первый план выступят посмертные академические и научные полные собрания сочинений), но по своему типу такие издания не отличаются от аналогичных доакадемических (по преимуществу – массовых). Появление ППСС, как представляется, стало прямым следствием развития коммерческих отношений между издателями и авторами²⁹. В заключение параграфа описан характер их взаимоотношений на разных исторических этапах.

В четвертом параграфе «Прижизненные полные собрания сочинений русских писателей: типологическая классификация» предпринята попытка разделить ППСС на несколько групп. К первой относятся те, которые выходили (или должны были выйти) по инициативе и настоянию издателя. В качестве примеров рассматриваются случаи подготовки и выпуска полных собраний сочинений И.А. Гончарова (издатель – И.И. Глазунов), Д.В. Григоровича и А.Н. Островского (издатель – Н.Г. Мартынов), В.Г. Короленко (издатель – товарищество «А.Ф. Маркс»). Инициаторами издания полного собрания сочинений могли выступать и сами писатели, у которых на определенном этапе творческой деятельности возникало желание объединить свои произведения. Это случалось довольно редко. Одной из иллюстраций служит пример И.А. Бунина, который был постоянным автором «Нивы» и первым сделал предложение товариществу «А.Ф. Маркс». Еще одним критерием, помогающим классифицировать ППСС, являются особенности редактирования текстов. В практике книгоиздания известны случаи, когда авторы (в силу разных причин) не участвовали в текстологической подготовке своих ППСС. Рассматривается ситуация с подготовкой «нивского» издания Л.Н. Андреева, когда сам автор не изъявил желания в ней участвовать, а приглашенным составителем и редактором стал К.И. Чуковский. Другую группу образуют ППСС, подготовленные либо самими писателями, либо при их активном участии. Это в некотором смысле авторские издания, являющиеся результатом творческой деятельности писателя не только по созданию, но также отбору, расположению, а иногда и оформлению собственных произведений. Первым

²⁷ Исследованию прижизненных изданий, в частности, посвящена заметка, в которой, однако, речь не идет о полных собраниях сочинений: *Гуральник Е.Н.* Методика изучения прижизненных изданий как печатных источников литературы // *Книговедение: Новые имена.* Вып. 3. М., 1998. С. 72 – 74.

²⁸ Что касается зарубежных авторов, то, насколько известно, Пьер де Ронсар (1524 – 1585) был первым поэтом, который при жизни издал свое полное собрание сочинений, сгруппировав их по жанрам (см.: *Шеффер Ж.-М.* Что такое литературный жанр? М., 2010. С. 172).

²⁹ *Динерштейн Е.А.* Российское книгоиздание (конец XVIII – XX в.). М., 2004. С. 208.

авторским собранием сочинений (хотя и не полным) считается «Собрание разных сочинений...» (1751) М.В. Ломоносова. Как показывает практика подготовки к изданию ППСС, писатель, согласно условиям договора, мог отказаться от услуг приглашенных редакторов (если таковые предоставлялись) и сам выполнял текстологическую работу. В этой связи рассматривается работа И.А. Бунина, В.Г. Короленко и А.П. Чехова по подготовке собственных полных собраний сочинений. Наконец, ППСС могут быть разделены на завершенные и незавершенные, а также переиздававшиеся и не переиздававшиеся. Отдельно следует упомянуть издания, подготовленные при участии автора, но полностью изданные уже после его смерти (П.А. Вяземский, Н.Г. Гарин-Михайловский, А.П. Чехов).

В пятом параграфе с учетом произведенного анализа источников (см.: **Библиография**, § 1) и сугубо формальных ограничений (см.: **Введение**, § 4) представлен **«Перечень прижизненных полных собраний сочинений русских писателей»**, состоящий из сорока пяти позиций.

Вторая глава «Принципы описания теоретической модели прижизненного полного собрания сочинений как структурно-семантического единства» складывается из четырех параграфов.

В первом параграфе «Общие замечания» говорится, что изучение ППСС русских писателей целесообразно вести с позиций текстологии, истории литературы и интерпретирующей поэтики. В данном случае мы исходим из трех моментов в составе изучения литературного произведения, выделенных В.Е. Хализевым: «Это, во-первых, рассмотрение текстов как некой эмпирической данности, нередко требующее напряженной исследовательской работы (*текстология*). Во-вторых, это проблемно-систематизирующее изучение художественной формы, т.е. ее описание и анализ на основе данных *теоретической поэтики*. И, наконец, в-третьих, это смыслопостижение, т.е. *интерпретация*. Опираясь на терминологию М. Верли, суммируем сказанное об аспектах познания литературы: во-первых, это *текстовая филология* (Textphilologie); во-вторых, это *интерпретирующая поэтика* (Interpretierende Poetik), слагающаяся, в свою очередь, из описательно-аналитических процедур и интерпретаций как таковых; в-третьих, это *история литературы»*³⁰.

Во втором параграфе «Текстологический подход» утверждается, что ППСС необходимо рассматривать на «макротекстологическом» уровне, который, к сожалению, еще недостаточно хорошо уяснен в филологии. Задачи «макротекстологии» как особого текстологического метода сформулировал Д.С. Лихачев. Применительно к печатным текстам нового времени они «состоят в изучении влияния на текст произведения включения его в какой-то большой сборник:

³⁰ Хализев В.Е. О составе литературоведения и специфике его методологии // Наука о литературе в XX веке (история, методология, литературный процесс). М., 2001. С. 10 – 11.

в состав собрания сочинений, альманаха, серии и пр.»³¹. Вне «макротекстологического» рассмотрения ППСС как сложного целого остается изучение истории каждого отдельного текста. Следовательно, за скобки выносятся существенная часть работы по установлению текста: анализ всех разночтений, ошибок, цензурной истории, а также восстановление того, что современными учеными именуется «текстовым ореолом»³² литературного произведения. Что касается общих текстологических задач, стоящих перед исследователем ППСС, то первой из них будет типологическая характеристика изучаемого издания, которая, как правило, опирается на внешние признаки и может носить сопоставительный характер (если речь, к примеру, идет о нескольких ППСС одного автора). Во-вторых, необходимо тщательно проанализировать состав издания и оценить степень его полноты. В данном случае от ученого потребуются выявление произведений, опубликованных ранее, но не вошедших в ППСС. Задача может осложняться отсутствием полной научной библиографии того или иного автора. Вопрос о мотивах, по которым тексты не были включены, не должен игнорироваться. Однако вероятно, что ответ на него будет получен на следующих этапах работы. Несмотря на то что ППСС вторичны по своей природе, складываются после создания составляющих их произведений, некоторые тексты, включенные в собрание, могут публиковаться впервые, и это должно быть отмечено литературоведом. Далее внимание исследователя акцентируется на композиции ППСС, которые представляют собой не только текстовый, но и книжный ансамбль. Можно сказать, что речь идет об «архитектуре» ППСС, внешних связях между произведениями и принципах расположения текстов, нуждающихся в обосновании. Еще одна задача, стоящая перед исследователем ППСС с текстологической точки зрения, – охарактеризовать научно-справочный аппарат, который в минимальном виде может присутствовать не только в научно-массовых, но и массовых изданиях³³. К научно-справочному аппарату ППСС относятся неавторские статьи критико-биографического характера, вспомогательные указатели, комментарии. Если говорить о ППСС, которые преимущественно носят массовый или научно-массовый характер, то в них научно-справочный аппарат либо совсем отсутствует, либо представлен в минимальном виде и в каждом случае

³¹ Лихачев Д.С., при участии Алексеева А.А. и Боброва А.Г. Текстология (на материале русской литературы X – XVII вв.). СПб., 2001. С. 277.

³² См.: Пильщиков И.А., Перцов Н.В. О лингвистических аспектах текстологии // Вопр. языкознания. М., 2011. № 5. С. 8 – 9.

³³ О научно-справочном аппарате в посмертных и академических (или критических, согласно западной традиции) изданиях см.: Барыкин В.Е. справочный аппарат изданий художественной литературы. М., 1978; Быстрова О. справочный аппарат Полного собрания сочинений (На материале Собрания писем М. Горького) // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009. С. 690 – 697. Отдельная тема, редко привлекающая внимание исследователей, – история примечаний. В основном ей занимаются на материале посмертных, а не прижизненных изданий (см.: Чернец Л.В. Комедия А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся!» в зеркале примечаний // А.Н. Островский. Материалы и исследования. Вып. IV / Отв. ред., сост. И.А. Овчинина. Иваново, 2013. С. 18 – 26).

индивидуален по своему составу. В этой связи в качестве примеров в диссертации рассмотрены ППСС Д. Бедного, В.В. Вересаева, М. Вовчка, П.А. Вяземского, Козьмы Пруткова, В.Г. Короленко, А.И. Куприна, Д.С. Мережковского, С.П. Подъячева, Я.П. Полонского, А.И. Свирского, А.С. Серафимовича, А.И. Сумбатова, С.Г. Фруга, А.П. Чехова, В.Я. Шишкова, И.Г. Эренбурга, А.С. Яковлева. Многие из привлеченных текстов оказывают помощь при изучении творческих и нетворческих составляющих воли автора (редактора, составителя или издателя).

В третьем параграфе «Историко-литературный подход» подчеркивается, что оба подхода – текстологический и историко-литературный – важны в равной степени. Главной точкой их сближения является принцип контекста. О его важности для филологической критики текста говорили В.В. Виноградов, А.Л. Гришунин, Л.В. Щерба. В свою очередь, Лихачев использовал понятие «литературный конвой». Историко-литературное изучение ППСС предполагает решение нескольких задач. Во-первых, следует выяснить причины, побудившие автора или издателя к выпуску ППСС, а также исследовать процесс подготовки такого издания. Во-вторых, необходимо вписать рассматриваемое ППСС в контекст, определив его место в творчестве автора, литературном процессе. Наконец, нужно охарактеризовать реакцию современников на выход ППСС. У историко-литературного и текстологического изучения ППСС не только смежные задачи, но и общая проблема – разграничение авторской и редакторской составляющих издания. Воля автора ППСС должна быть разведена с волей редактора (если они не совпадают) и тщательно изучена с точки зрения ее мотивации. Это имеет непосредственное отношение к проблеме установления текста. Она весьма значима, т.к. при выборе основного источника текста исследователи порой ориентируются на последнее прижизненное авторизованное издание, что не всегда оправданно. За исключением случаев, когда прижизненное издание выходило без участия автора, в издательской практике встречаются формы активной (писатель прочитал и выправил текст) и пассивной (писатель только поставил под текстом подпись) авторизации. Как известно, авторизация всего собрания сочинений не гарантирует авторизацию каждого отдельного текста. Документальными свидетельствами могут служить самые разные источники, главными из которых являются договоры издательств с писателями, а также издательская переписка. Отсутствие документальных свидетельств (или их недостаточное количество) существенно осложняет исследовательскую задачу. В таком случае разграничить участие автора и редактора труднее (особенно при изучении состава издания, его композиции) и опираться приходится только на имеющиеся внутри ППСС сведения (авторские или редакторские предисловия, примечания и проч.). В данной ситуации помощь может оказать даже реклама,

обычно помещаемая в конце издания. В подтверждение этого приводятся примеры из ППСС А.П. Бибика, П.С. Романова, В.Я. Шишкова. Помимо сведений об авторизации, в рекламных объявлениях могут оговариваться принципы расположения текстов (случай ППСС А.Н. Островского).

В четвертом параграфе «Поэтологический подход» прежде всего решается вопрос об эстетической природе ППСС в посттрадиционалистскую эпоху – время, когда были сломаны привычные представления о гомогенности художественных произведений (совпадение их внутренней структуры с внешними границами уже необязательно). Яркий пример «открытой» формы – циклические образования в разных родах литературы, которые иногда претендуют на статус самостоятельных литературных произведений. Однако, несмотря на поверхностное сходство, ППСС не могут рассматриваться как способ художественной циклизации по совокупности содержательных и формальных совпадений. В отличие от циклических образований ППСС – более широкое понятие. Во-первых, они включают в себя тексты независимо от их родо-видовой принадлежности (здесь могут быть и эпос, и лирика, и драма, и нехудожественные произведения) или особенностей речевой структуры (возможно наличие и стихотворных, и прозаических текстов), а во-вторых, ППСС в рамках творческого наследия одного писателя не противопоставлено более широкому корпусу текстов (за исключением другого ППСС того же автора, выпущенного позднее предыдущего). Таким образом, ППСС стоят над циклическими образованиями и могут включать их в себя. Целесообразно поэтому рассматривать ППСС *наряду* с циклами, книгами стихов/прозы, но *не в одном ряду* с ними. Соответственно, мы не вправе говорить о ППСС как новом жанре (по аналогии с книгой стихов в поэзии Серебряного века) и художественном единстве в традиционном смысле этого понятия. ППСС являются типологической разновидностью литературных *метатекстов*. «Вполне естественно, – пишет В.С. Киселев, – что в течение долгого времени объектом литературоведческого изучения были только те разновидности метатекста, которые полностью укладывались в рамки художественной прозы или поэзии»³⁴. Между тем художественная циклизация – не единственная возможность в образовании структурно-семантических единств, в состав которых входят как художественные, так и нехудожественные (публицистические, документальные и др.) тексты. Пример тому – авторские и коллективные журналы, альманахи, сборники, имеющие «эстетическое измерение, четко опознаваемое читателями и активно используемое авторами, редакторами или издателями»³⁵. Строго говоря, метатекст – еще более широкое понятие, чем ППСС.

³⁴ Киселев В.С. Коммуникативная природа метатекстовых образований // Вестник Томского гос. ун-та. Бюллетень оперативной науч. информации. Томск, 2004. № 23. Март. С. 7.

³⁵ Там же.

Тексты в составе ППСС перестают быть равными себе. Отношения между ними выстраиваются по принципу монтажа в расширенном толковании (как формального средства связи отдельных частей в единое целое), а не в сугубо кинематографическом или узко литературном (как нарративной техники, «способа построения литературного произведения, при котором преобладает прерывность (дискретность) изображения, его “разбитость” на фрагменты»³⁶). Конечно, ППСС можно трактовать как комплекс произведений, объединенных под одной обложкой, не конкретизируя природу этого объединения. И, вероятно, с позиций интерпретирующей поэтики ППСС позволительно рассматривать не только в том случае, если оно было авторизовано. Творческая воля редактора (составителя, издателя) тоже представляет научный интерес как вид интерпретации, а для обнаружения внутренних связей между произведениями не обязательно заключать их в полное собрание сочинений, даже если оно прижизненное, поскольку личность автора (сознательно или бессознательно) всегда будет выступать связующим звеном всего творчества. Для темы данной диссертации представляют интерес именно авторизованные ППСС, в подготовке которых проявилось активное творческое начало самого автора, его воля. Исследователю, в свою очередь, предстоит понять стратегию автора, воплощенную в тексте. Таким образом, с точки зрения интерпретирующей поэтики об авторизованных ППСС можно говорить как о не только формальном, но и содержательном единстве.

В плане содержания ППСС – своеобразной большой формы – существен тематический уровень, доминанту которого составляет внехудожественная реальность. Принимая во внимание первостепенность авторской воли как силы, организующей ППСС, можно предположить, что проблемно-тематический слой в таком случае наиболее интересен со своей личностной стороны: в нем запечатлен меняющийся во времени духовно-биографический опыт творца (написанное прежде произведение попадает теперь в новый контекст). Отсюда неизбежность реконструкции автобиографического (и если говорить шире – биографического) пласта. Не менее ощутимо воля автора (и его личность) явлена на идейном уровне. Творец выступает носителем того или иного представления о бытии. Характеризуя идеологическую сторону литературного произведения, которая напрямую соотносится с авторской субъективностью, Лихачев выделял два слоя: активное и пассивное воздействие на читателей³⁷. В свою очередь, Хализев те же аспекты художественной субъективности называет «рефлексивным» и «нерефлексивным»³⁸. Не

³⁶ Хализев В.Е. Теория литературы. 5-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 277. О литературном монтаже см., например: Зверев А.М. Монтаж // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. М., 2002; Хуттунен Т. Имажинист Мариенгоф: Денди. Монтаж. Циники. М., 2007.

³⁷ Лихачев Д. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 130.

³⁸ Хализев В.Е. Теория литературы. С. 102 – 103.

принижая значимость имперсональной стороны авторской субъективности, надо заметить, что для изучения идейного уровня ППСС как большой формы наибольшую ценность представляет «рефлексивный» аспект, авторская преднамеренность, организующая смысловое единство. С учетом вторичности ППСС по отношению к входящим в него произведениям авторская преднамеренность обнаруживает себя вдвойне.

Прямым способом выражения эксплицитных связей между «семантическими полями» являются авторские предисловия ко всему ППСС, а не к отдельным произведениям, входящим в его состав³⁹. Обращенные к читателям, такие тексты выполняют общую коммуникативную функцию, но цели, преследуемые авторами, порой разнятся. Поскольку авторских предисловий к ППСС написано мало, в диссертации производится анализ соответствующих текстов П.А. Вяземского, И.А. Гончарова, Д.С. Мережковского, А.И. Сумбатова, А.К. Шеллера-Михайлова. Авторская позиция (или установка), выраженная в теории, может остаться не реализованной на практике, и это предмет для специального исследования.

Что касается имплицитных связей, образующих смысловой каркас ППСС, то они проявляются на предметном, композиционном и словесном уровнях. Теоретически в качестве константных и связующих компонентов могут выступать любые фрагменты формы. На предметном уровне, представляющем художественно освоенную и преображенную реальность, наибольшим потенциалом в этом смысле обладают типы персонажей (как носители устойчивых качеств) с их ценностными ориентациями. Пристальное внимание к персонажам обусловлено тем, что в некоторых случаях их можно рассматривать как выразителей ценностных ориентаций самого автора, объединяющего своей личностью все тексты ППСС. В связи с персонажами интерес могут представлять их портретные, психологические, речевые характеристики, формы поведения в тех или иных ситуациях, материальное окружение (вещи, природа). Особую значимость представляет хронотоп. На словесном уровне языковые средства, выражающие взгляды писателя в форме авторских отступлений, идейных споров персонажей и т.д., в рамках ППСС интересны не сами по себе, а контекстуально, в аспекте композиции, которая

---

³⁹ При этом нельзя забывать о том, что авторские предисловия к отдельным томам не лишены ценной информации. Примером может служить небольшое предисловие к тринадцатому тому ППСС А.С. Серафимовича: «Текст к пятому изданию “Железного потока”, редактируемому тов. Нерадовым, мною выверен. Примечания к тексту согласованы с тов. Ковтюхом, которые он нашел совершенно правильными. Предисловие тов. Нерадова к “Железному потоку” нахожу правильно освещающим это произведение, историческую и классовую обстановку, в которой разворачиваются описываемые в “Железном потоке” события» (*Серафимович А.* ПСС. Т. 13. М. – Л., 1930 С. V). Другой пример – предисловие И.А. Гончарова к девятому тому его ППСС: «По желанию издателя моих сочинений, И.И. Глазунова, я предоставил ему, помещенные в последние два года, 1887 – 1888, в журналах “Вестник Европы” и “Нива”, мои литературные очерки, под заглавием “Университетские воспоминания”, “На родине” и “Слуги”, издать в отдельном, IX-м томе, в дополнение к “Полному собранию” моих сочинений в VIII томах» (*Гончаров И.А.* [От автора] // *Гончаров И.А.* ПСС. Т. 9. СПб., 1889 [без указания номера страницы]).

представляется доминантным уровнем для анализа содержательной формы ППСС. Выражая авторскую активность, композиция обеспечивает единство и целостность ППСС, к тому же она неразрывно связана с предметным и словесным уровнями. Важнейшими композиционными приемами при построении ППСС являются повторы и их вариации. Семантически насыщенные повторы, переходящие в мотивы и представленные самыми разными формами (предметными, речевыми и т.д.), являются не только композиционными связями, но и скрытым ключом к идейному содержанию и тематике.

Не менее важными, чем мотивы, на уровне композиции оказываются со- и противопоставления образов, событий, языковых единиц, текстов. Главенствующий в рамках ППСС – «монтажный» принцип соотнесения компонентов формы (по сходству или контрасту), когда внутренние, ассоциативные связи более важны, чем внешние (пространственно-временные и причинно-следственные). Единство композиции обеспечивается не только ассоциативными связями. Оно может возникать на границах самостоятельных текстов, которые сопоставимы с «монтажными кусками». При этом «стыки» нуждаются в пристальном внимании со стороны исследователя. Особую ценность они приобретают, когда расположением произведений внутри собрания занимался сам автор. В этой связи внимание следует обратить на «авторские микротексты», участвующие в монтаже: названия произведений и разделов, эпиграфы, посвящения, датировка и др. Не меньшую структурообразующую роль берут на себя начало и конец как маркированные позиции текстов. Помимо указанных способов, композиционная целостность подчеркивается обрамлением ППСС: авторскими предисловиями, примечаниями, а также оглавлением⁴⁰. Отсутствие сквозных сюжетов и героев в ППСС компенсируется единством личности творца и его стратегии, подключение к которой осуществляется непосредственно через авторские предисловия, выполняющие по отношению к ППСС комментирующую (возможно, с элементами интерпретации) функцию, и примечания, функционирующие как способ коммуникации (связывая автора и читателя), авторефлексии (связывая автора и его тексты), гипертекст (связывая тексты между собой). Важнейшим связующим звеном в ППСС выступает также оглавление, которое традиционно рассматривают как служебный и не всегда обязательный элемент. Вот почему литературоведческих работ, специально

---

⁴⁰ По отношению к некоторым из этих компонентов применим термин «паратекст» (введен Ж. Женеттом в 1982 году). Его использование представляется оправданным и в нашем случае, поскольку существует опасность метонимического сближения упомянутых рамочных и нерамочных компонентов отдельного произведения и всего ППСС. См. также: *Соколова Е.В.* Паратекст // *Западное литературоведение XX века: Энциклопедия* / Гл. науч. ред. Е.А. Цурганова. М., 2004. С. 306; *Кабыкина Ю.В.* Рамочные компоненты в композиции художественного текста. (Обзор) // *Социальные и гуманитар. науки. Отечественная и зарубежная лит.* Сер. 7. Литературоведение: РЖ. М., 2007. № 2. С. 72 – 85.

посвященных оглавлению, очень мало⁴¹. В то же время очевидно, что у оглавления ППСС полифункциональная природа. В рамках ППСС как метатекстового образования имеет смысл говорить об особой роли заглавий в их соотношении друг с другом, которые пунктирно указывают на идейный и тематический уровни целого. Однако в нашем случае оглавление может выполнять обрамляющую и смыслообразующую функции, если оно относится ко всему ППСС, заключая его. Иногда функции отсутствующего оглавления выполняет рекламное объявление, содержащее роспись ППСС. Через композицию в ППСС может реализовываться понятие писательского пути, связывающего воедино все тексты. Чем больше произведения того или иного автора тяготеют к автобиографизму, тем явственнее проступает его путь. Но самым важным в удержании внутреннего единства ППСС оказывается мироощущение автора, его «картина мира». В то же время нельзя забывать, что субъектом, легитимизирующим единство ППСС, как и любого другого метатекста, является не автор, а читатель, способный на основе авторского намерения соотнести данные ему тексты и выстроить их в единое целое. Иначе говоря, автор и читатель – это те два полюса, между которыми протянута ось целостности ППСС как большой формы, сложно организованного структурно-семантического единства.

Третья глава «Прижизненные полные собрания сочинений Д.С. Мережковского» призвана проиллюстрировать применение сформулированных теоретико-методологических принципов, а заодно разобраться в том, что дает предлагаемый инструментарий для понимания отдельно взятого автора. Данная глава включает в себя три части.

Первая часть третьей главы («Текстологический подход») состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе **«Общие замечания (состояние вопроса)»** ставится задача сосредоточиться, не размывая границ текстологии, на проблемах, способных расширить исследовательское поле этой одновременно служебной и фундаментальной дисциплины на материале творческого наследия Мережковского. С этой целью анализируется единственное на сегодняшний день исследование обобщающего характера по данному вопросу: монография Е.А. Андрущенко **«Властелин “чужого”»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского»** (2012). Отдельно рассматривается вопрос об источниковедческой экспертизе текстов Мережковского и расширении работы текстолога. Доказывается тезис о том, что имманентное рассмотрение литературного памятника, направленное в глубь его истории, следует дополнять контекстуальным анализом.

---

⁴¹ См.: *Магазаник Э.Б.* Поэтика заглавия и оглавления // Материалы XXIII студ. науч. конф. Сер. 2. Самарканд, 1966. С. 14 – 15; *Веселова Н.* Оглавление в структуре текста, оглавление как текст: постановка проблемы // Поэтика заглавия: Сборник науч. трудов. М.; Тверь, 2005. С. 271 – 278.

Второй параграф – «Типологическая характеристика» изданий первого и второго ППСС Мережковского. В дальнейшем для краткости говорится о ППСС-1 и ППСС-2 соответственно. Оба издания относятся к разряду завершённых, но не переиздававшихся⁴². Если иметь в виду не только целевую аудиторию, но также качество подготовки текстов и справочный аппарат, то типологически ППСС-1, безусловно, является массовым, а ППСС-2 – научно-массовым (несмотря на некоторые погрешности: ошибки, опечатки, неточности, выявлению которых отведено особое место в диссертации). Однако если полные собрания сочинений как вид издания представлены всеми известными типами (академическим, научным, научно-массовым, массовым), то вопрос о том, могут ли *прижизненные* издания полных собраний сочинений считаться в подлинном смысле слова научными (и даже научно-массовыми), остаётся дискуссионным. Очевидно, что в случае с Мережковским ответ на него связан также с проблемой саморепрезентации и авторской стратегии. ППСС-2 готовилось по образцу выпущенного И.Д. Сытиным посмертного «Полного собрания сочинений» Л.Н. Толстого. Оно тоже состояло из 24 томов (журнал «Библиотека “Русского слова”» был двухнедельный) и практически полностью повторяло структуру научно-справочного аппарата толстовского собрания. Это тем более интересно, что несколькими годами раньше появилась статья «Кому быть преемником Толстого?» (1910) Лукиана Сильного (псевд. С.Ф. Либровича). По его смелому утверждению, Мережковскому по праву должно принадлежать освободившееся после смерти Толстого «царское место в русской литературе, он один, если и не заменит великого творца “Анны Карениной”, то с достоинством будет занимать тот престол, на котором восседал Толстой»⁴³. Данное утверждение не покажется чересчур преувеличенным, если сравнить его с анализом публиковавшихся отчетов 10 городских библиотек за 1909 – 1914 годы из различных регионов страны, который «позволил выявить наиболее читаемых авторов: самый популярный – Л.Н. Толстой», в «числе активно читаемых» – Мережковский⁴⁴. Неудивительно, что в серии «Библиотека “Русского слова”» вышли полные собрания сочинений только двух писателей: Л. Толстого и Мережковского. Известно, правда, что Сытин собирался следом издать полное собрание сочинений М. Горького, однако «печататься в одной серии с Мережковским Горький не захотел»⁴⁵. Показателен еще один факт. Согласие написать автобиографию Мережковский дал только С.А. Венгерову (всем остальным он отвечал отказом, автографом-подписью или

⁴² Если не учитывать «Полное энциклопедическое собрание сочинений» Мережковского на DVD-ROM: Версия 2.0 – («Электронная библиотека»): ИДДК.

⁴³ Лукиан Сильный. Кому быть преемником Толстого? // Вестник лит. СПб., 1910. № 12. Стб. 329.

⁴⁴ Цит. по: Книга в России, 1895 – 1917. СПб., 2008. С. 639.

⁴⁵ Динерштейн Е.А. Иван Дмитриевич Сытин и его дело. М., 2003. С. 203.

кратким сообщением: «Родился в 1865 г. в Петербурге»⁴⁶) для авторитетного научного издания «Русская литература XX века (1890 – 1910)». Разумеется, писатель не мог не осознавать значимости труда видного ученого и того внимания, которое он привлечет как среди современников, так и потомков. Таким образом, какой бы смысл мы ни вкладывали сегодня в понятия «научное» или «научно-массовое» издание, не только для нас, но и для самого Мережковского второе собрание сочинений качественно, уровнем и масштабом подготовки, отличалось от первого. В историческом срезе ППСС-1 и ППСС-2 следует характеризовать как доакадемические, хотя академическое полное собрание сочинений Мережковского до сих пор не подготовлено.

В третьем параграфе «Состав» сравниваются оба издания. ППСС-2 полнее, чем ППСС-1, несмотря на то что хронологический интервал между ними минимальный: последний том ППСС-1 увидел свет в 1913 году, а первый том ППСС-2 – в 1914-м. Сопоставительный анализ позволяет утверждать, что в ППСС-2 вошли все тексты, составившие ППСС-1, за исключением критико-биографического очерка М.А. Лятского (1912), стихотворения «Возвращение» (1909), отсутствие которого могло быть случайным, поскольку в ППСС-2 включено более раннее произведение 1891 года под тем же названием. Похожая ситуация сложилась со стихотворением «Признание» (1894), не вошедшим в ППСС-2, видимо, потому, что его заглавие совпало с заглавием включенного сюда произведения 1886 года. Указываются и другие принципиальные отличия. Отдельно приводятся добавленные тексты (при этом отмечены опубликованные впервые), перечисляются аргументы в пользу авторского участия в подготовке издания. В подтверждение относительной полноты ППСС-2 специально устанавливаются тексты, не включенные Мережковским в собрание (довольно большой корпус поэзии, драматические произведения, художественная проза, литературно-критические и публицистические работы, открытые письма). Вероятно, их наличие в составе издания могло нарушить ту стройную схему написанного, которую Мережковский предлагает в авторском предисловии ко всему собранию. Вместе с тем в данном параграфе комментируются (с указанием причин) изменения, которые коснулись состава некоторых авторских книг, включенных в собрания сочинений, затрагиваются вопросы предпочтительного выбора основного текста для последующих переизданий сборников «Вечные спутники», «В тихом омуте», «Было и будет. Дневник 1910 – 1914», цикла «Итальянские новеллы» и др. Доказывается, что отсутствие тех или иных текстов объясняется тщательным авторским отбором и нежеланием Мережковского нарушать

---

⁴⁶ Лятский М.А. Дмитрий Сергеевич Мережковский // Мережковский Д.С. ПСС. В 17 т. Т. 1. СПб.; М., 1912. С. III.

непрерывную связь частей целого, иными словами, структурно-семантическое единство.

В четвертом параграфе «Принципы расположения текстов» выявляются внешние связи между составными частями двух книжных ансамблей. В ППСС-1 четкий принцип распределения произведений отсутствует. Собрание начинается и заканчивается томами с художественной прозой (I – V, XV₂/XVI – XVII), между которыми неупорядоченно представлены переводы и переложения (VI, XIV), литературно-критические и публицистические работы (VII – XIII, XV), избранные стихотворения (XV). Иначе дело обстоит с ППСС-2, в котором почти всегда соблюдается систематический подход к расположению материала.

Заключительный пятый параграф – «Научно-справочный аппарат». В ППСС-1 его заменяет критико-биографический очерк Лятского «Дмитрий Сергеевич Мережковский», отчасти выполняющий функцию историко-литературного и реального (а точнее – биографического) комментария, что может быть объяснено принадлежностью данного собрания к разряду массовых. В свою очередь, научно-справочное сопровождение ППСС-2 выполнено на более высоком уровне (его подготовку издательство И.Д. Сытина поручило О.Я. Ларину), хотя и не лишено ошибок, выявлению и исправлению которых отведена значительная часть параграфа. Таким образом, несмотря на более качественную подготовку ППСС-2, содержащиеся в нем произведения и справочный аппарат могут быть положены в основу современного научного или академического издания только после дополнительной критики текстов и тщательной проверки фактов. Тем не менее сравнительный анализ двух изданий позволяет в третьей главе диссертации сосредоточиться на ППСС-2 как основном материале для наблюдений и выводов, а к ППСС-1 обращаться только по необходимости.

Вторая часть третьей главы – «Историко-литературный подход» в отношении ППСС-1 и ППСС-2. Она состоит из трех параграфов.

Первый параграф – «Общие замечания». В нем говорится о книгоиздательской ситуации рубежа XIX – XX столетий. Отмечен небывалый рост авторских изданий, в которых разрозненные произведения объединяются в межтекстовые единства, претендующие на самостоятельное значение (А. Белый, А.А. Блок, В.Я. Брюсов и др.). В начале прошлого века не меньшее внимание, чем циклу, книге или сборнику, авторы уделяли подготовке итоговых собраний сочинений. В этом отношении вызывают интерес книготорческие взгляды писателей Серебряного века и та роль, которую они отводили заглавию. Если в период «бури и натиска» символисты естественным образом тяготели к ярким, броским и даже экзотическим заглавиям для своих книг, то достигнув желаемого успеха, многие из них потянулись к вечному «бренду», задумав или осуществив выпуск полного

собрания сочинений. Такой ход может рассматриваться как заключительная часть рекламной стратегии под названием «Классик при жизни». На разных примерах показано, что установка Мережковского на большую форму, проявившаяся в тяготении к составным текстovým образованиям, присутствовала изначально и заявила о себе во всех направлениях творческой деятельности (поэзии, художественной прозе, критике). Развивается мысль о существовании «единого текста творчества» Мережковского. Эту идею так или иначе выражали еще в начале прошлого века (высказывания А. Белого, В.Я. Брюсова), однако доказательную базу под вольные замечания ученые начали подводить недавно (работы Л.А. Колобаевой, А.В. Лаврова, В.В. Полонского). Данная часть исследования посвящена дополнительному обоснованию указанной идеи.

Второй параграф – «Причины выпуска и процесс подготовки изданий» ППСС Мережковского. В результате привлечения архивных источников установлено, что мотивы, подтолкнувшие писателя к изданию полного собрания своих сочинений, лежат одновременно в творческой и финансовой плоскостях. Проводится исследование популярности Мережковского (его репутации) как в профессиональной среде литераторов, так и у массового читателя в России и за рубежом. Поскольку одним из видов рецепции творческой личности писателя является визуальный ряд, а в связи с Мережковским к его специальному рассмотрению никогда прежде не обращались, особое место отведено сопоставительному анализу таких форм хранения памяти о писателе, как, с одной стороны, автобиография и фотография, а с другой – мемуар и карикатура. Методологическую основу в данном случае составили работы Н.И. Жинкина, Ю.Н. Тынянова, Ю.М. Лотмана, Р. Барта, С. Сонтаг. Автор диссертации сознательно акцентировал внимание на том, в каких отношениях постановочная фотография тяготеет к документальной автобиографии, затронув аспекты функционирования, индивидуальной и культурно-исторической ценности, деформации «материала»; в то же время – остановился на личностном потенциале памяти и возможностях для интерпретации образа, заложенных в карикатуре и мемуаре (специфику взаимодействия словесного и визуального рядов помогло выявить привлечение литературных пародий). В заключение параграфа приведены прямые и косвенные свидетельства авторизации Мережковским двух ППСС.

Третий параграф – «Отзывы современников» на выход ППСС-1 и ППСС-2. В аналитическом обзоре использованы тексты как мемуарного (А.В. Бахрах), так и критического (А.С. Долинин, Н.О. Лернер, Е.Г. Лундберг, Ан.Н. Чеботаревская) характера.

Третья часть третьей главы – «Поэтологический подход». В нее входит два раздела, состоящие из двух и трех параграфов соответственно.

Раздел первый «Содержательный аспект» открывается **параграфом «Тематический уровень описания с точки зрения запечатления в нем духовно-биографического опыта творца»**. Потребность выхода из границ художественного текста в эмпирическую (историческую) действительность соответствует специфике герменевтического подхода. Выбранный для исследования материал (произведения Мережковского, составившие ППСС-2) позволяет заново поставить вопрос о связи «жизни» и «творчества». Опорой для реконструкции тематического уровня с точки зрения запечатления в нем духовно-биографического опыта творца является «Автобиографическая заметка» Мережковского. Она предназначалась для издания «Русская литература XX века (1890 – 1910)» (под ред. С.А. Венгерова), но впервые была опубликована в газете «Русское слово» (1913. 19 марта. № 65). Расхождения между газетной публикацией и текстом, вошедшим в «Русскую литературу XX века (1890 – 1910)», незначительны и обусловлены, судя по всему, редакторской правкой Венгерова. При этом в составе ППСС-2 воспроизведен вариант из «Русского слова». К счастью, сохранилась еще и рукопись «Автобиографической заметки» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384; датирована автором «Ментона. Февраль 1913 г.»), по которой видно, что Мережковский особое внимание уделял синтаксическим конструкциям и подбору слов. Писатель явно стремился к лаконичности, однако не все сокращения принадлежат ему. Заключительный фрагмент изъят цензурой⁴⁷. «Автобиографическая заметка» более чем органично смотрится в конце XXIV тома, заключающего ППСС-2. Сведения, представленные в автобиографии писателя, рассматриваются в диссертации как источник и контекст всего издания. При необходимости привлекаются другие биографические факты. Для наглядности текст «Автобиографической заметки» разбит на небольшие пассажи, а фрагменты, нуждающиеся в комментариях, снабжены цифровой маркировкой (от 1 до 66). Внешняя дискретность исследования, надо полагать, компенсируется единством личности Мережковского и внутренней логикой, связывающей его жизнь и творчество. Доказывается, что автор сознательно согласовывает автобиографический и художественный тексты, реализуя собственный тезис о том, что лучшая из автобиографий – это произведения писателя. Между тем наличие «жизнетворческой» стратегии у Мережковского до сих пор не является очевидным для большинства исследователей литературы Серебряного века.

Далее «Автобиографическая заметка» сопоставлена с критико-биографическим очерком Лятского, выполняющим аналогичную функцию в ППСС-1. При этом учитывается, что текст Лятского написан раньше и относится к другому жанру. Встречающиеся лакуны в совокупности с фактами, отсутствующими в критико-

⁴⁷ В диссертации реконструируются самые важные пассажи, не вошедшие в опубликованный текст, и указываются другие значимые расхождения с черновиком.

биографическом очерке, обусловлены не только стремлением к краткости, на которое сослался Мережковский в «Автобиографической заметке», но и желанием выстроить свой жизненный и творческий путь исходя из собственных представлений, сложившихся к 1913 году. Согласно *версии* Мережковского (словосочетания «автобиографический миф» или «биографическая легенда» неуместны в данном контексте, поскольку речь идет об объективных фактах, а не соотношении «эмпирических жизненных событий и художественного творчества»⁴⁸), у читателя должен сложиться вполне определенный портрет личности писателя. На страницах «Автобиографической заметки» Мережковский предстает человеком, сформировавшимся вопреки среде и «удушающей» атмосфере времени на почве мировой литературы («Слово о полку Игореве», Майн Рид, Купер, Бодлер, По); ведущим свою поэтическую генеалогию от самого Пушкина (что усиливается воспоминанием о том, как ему посчастливилось в 14 лет «поцеловать ту руку, которую полвека назад целовал Пушкин»⁴⁹); «рукопожатым» Достоевским незадолго до его смерти; с молодых ногтей общавшимся с лучшими литераторами России (Гаршиным, Гончаровым, Короленко, Майковым, Михайловским, Плещеевым, Полонским, Салтыковым-Щедриным, Успенским); едва ли не первым, кто оценил талант начинающего Чехова; с детства религиозным (хотя из воспоминаний Зинаиды Гиппиус известно обратное); преодолевшим позитивизм и народничество; увлекавшимся «не декадентством, а символизмом»⁵⁰ и «раньше всех»⁵¹ в русской литературе употребившим слово «символы» (не случайно Мережковский из всех своих поэтических книг упоминает только вторую); оригинальным, идущим от жизни мыслителем (вопреки расхожим обвинениям в «схематичности» и «книжности»); пересмотревшим отношение к Толстому (после жесткой критики которого за Мережковским закрепился ярлык «Иудушки новейшей формации»⁵², поддержавшего «отлучение»⁵³); революционно настроенным по отношению к официальной церкви и «старому порядку в России»⁵⁴. Итак, умело орудуя фактами, в достоверности которых трудно усомниться, «забывая» одни и вспоминая другие, Мережковский создает парадный автопортрет. Таким его не мог увидеть Лятский, но именно *таким* писатель хотел выглядеть перед публикой. В завершение параграфа восстанавливаются

⁴⁸ Магомедова Д.М. Автобиографический миф // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. М., 2008. С. 10 – 11.

⁴⁹ Мережковский Д.С. Автобиографическая заметка // Мережковский Д.С. ПСС. В 24 т. Т. 24. М., 1914. С. 111.

⁵⁰ Там же. С. 113.

⁵¹ Там же.

⁵² Булгаков С.Н. Письма из России // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895 – 1903. М., 2006. С. 362.

⁵³ Щеглова Л.В. (В.А.Щ.). Мережковский: Публичная лекция, прочитанная в феврале 1909 г. в С.-Петербурге, в зале Соляного Городка. СПб., 1910. С. 1.

⁵⁴ Мережковский Д.С. Автобиографическая заметка. С. 115.

события и лица, которые не вошли в «Автобиографическую заметку», но преломились в произведениях, составивших ППСС-2.

Попытки реконструировать (авто)биографический подтекст всегда чреватые известными огрублениями и некоторой прямолинейностью суждений. Вспомним слова самого Мережковского: «...вообще нельзя приписывать автору чувств и мыслей его героев»⁵⁵. Это в теории. В действительности же грань между фактами жизни и творчества довольно тонкая, поэтому корректнее говорить не о тождестве⁵⁶, а сходстве, близости, ничуть не преуменьшая значения для творчества Мережковского генетических связей между «своим» и «чужим» текстом. Интересуясь только теми первично-жизненными явлениями, которые представляют духовно-биографический опыт Мережковского, и формами их присутствия в текстах ППСС-2, автор диссертации показывает, откуда писатель берет сырой материал и каковы его возможности познания действительности. Ценные сведения о творческой «кухне» Мережковского также дают послания к М.О. Гершензону⁵⁷. «Я знаю, – сообщает он, – что Вы изучали – эпоху Александра I и декабристов, именно с той точки зрения, с которой мне всего нужнее – с более *интимной* и *личной*. Не согласились ли бы Вы оказать мне помощь Вашими сведениями и указаниями для моих драм “Александр I” и “Николай I (Декабристы)”, которые будут продолжением “Павла I”. Вы бы оказали мне этим большую услугу»⁵⁸. И главное: «Вы сами угадаете, что мне нужно: те мемуары, письма, документы, которые дают самую внутреннюю, *неофициальную* сторону эпохи. Словом – “*анекдоты*” – в глубоком смысле...»⁵⁹ По мнению М.М. Бахтина, ситуация, когда автор непосредственно вкладывает свои мысли в уста героя (для убеждения в их истинности или для пропаганды), не является эстетически продуктивной. Но именно в такой ситуации очень часто оказывался Мережковский⁶⁰,

⁵⁵ Мережковский Д.С. ПСС. В 24 т. Т. 6. М., 1914. С. 280.

⁵⁶ Тип отношений, сложившийся между Мережковским как автором и некоторыми из его героев, правомерно охарактеризовать как «сущностное равенство» (по терминологии В.Е. Хализева).

⁵⁷ Похожее письмо Мережковский отправил В.Я. Богучарскому 5 августа 1908 года: ОРФ ГЛМ. Ф. 2. Ед. хр. 292.

⁵⁸ НИОР РГБ. Ф. 746. К. 37. Ед. хр. 31. Л. 1 – 2.

⁵⁹ Там же. Л. 2 – 2 об.

⁶⁰ Только один пример. В поисках «истинной церкви» находится Тихон, герой романа «Антихрист (Петр и Алексей)». О том, какая церковь – истинная, он узнает от явившегося ему старичка: «Была древняя Церковь Петра, Камня стоящего, будет новая Церковь Иоанна, Грома летящего. Ударит в камень гром, и потечет вода живая. Первый завет Ветхий – Царство Отца, второй завет Новый – Царство Сына, третий завет Последний – Царство Духа. Едино – Три, и Три – Едино. Верен Господь обещающий, Который есть, и был, и грядет!» (Мережковский Д.С. Антихрист (Петр и Алексей) // Мережковский Д.С. ПСС. В 24 т. Т. 5. М., 1914. С. 284). Основополагающая для Мережковского идея, вложенная в уста второстепенного персонажа, неоднократно высказывается писателем в нехудожественных текстах от первого лица (см.: «Меч», «Л. Толстой и Достоевский», «Пророк русской революции», «Теперь или никогда» и др.). Это последнее откровение, по мнению автора, поможет соединить то, что, как думает Валерьян Голицын в «Алекサンドре I», не соединено: «Три правды: первая, когда человек один; вторая, когда двое; третья, когда трое или много людей» (Мережковский Д.С. Александр I // Мережковский Д.С. ПСС. В 24 т. Т. 7. М., 1914. С. 32 – 33). Таким образом, мысль Мережковского (изначально заимствованная у З.Н. Гиппиус) не сводится к религиозной проблематике, хотя точнее сказать иначе: религиозная проблематика выходит из своих границ и захлестывает иные сферы жизни (семейную, социально-политическую, творческую).

в произведениях которого в силу этого далеко не все усматривали высокую художественную ценность (среди них А. Белый, Н.А. Бердяев, А.С. Долинин, Б.К. Зайцев, И.А. Ильин, М.О. Цетлин).

Второй параграф – «Идейный уровень: эксплицитные связи». В качестве прямого способа выражения эксплицитных связей на идейном уровне рассматривается авторское предисловие ко всему ППСС-2 Мережковского с точки зрения сущности этого текстового феномена и его назначения в рамках всего издания, прежде всего в аспекте формирования установки на восприятие собрания сочинений, иначе говоря, автоинтерпретации и создания «горизонта ожидания» читателя. Несмотря на невозможность дать авторскому предисловию Мережковского четкое жанровое определение (сам писатель не оставляет заголовка), данный рамочный компонент обнаруживает наибольшее сходство с жанром исповеди (к которому, кстати говоря, примыкает автобиография, что позволяет констатировать семантическую переключку между авторским предисловием в начале и «Автобиографической заметкой» в конце ППСС-2).

Раздел второй («Формальный аспект: имплицитные связи») открывается «Общими замечаниями» (это **первый параграф**), в которых говорится о том, что для выявления имплицитных связей, образующих смысловый каркас ППСС-2, целесообразно остановиться на константных компонентах предметного, композиционного и словесного уровней в границах всего собрания.

Во **втором параграфе** анализируются «**Устойчивые компоненты предметного мира и формы их выражения**». Первое «семантическое поле» со значением «пол»⁶¹ складывается из компонентов «плоть» – «дух», «мужское» – «женское». Несмотря на то что «дух» в представлении Мережковского составляет один синонимический ряд со словами «небо», «идея», «Ипостась», «Слово», а «плоть», в свою очередь, – с лексемами «тело», «земля», «мир», «жизнь»⁶², следует иметь в виду, что оба понятия не мыслятся противоположными. Писатель критикует средневековое христианское толкование духа как сущности, «запредельной» тварному миру, и активно противостоит категорическому размежеванию духа и плоти как субстанций, не имеющих точек соприкосновения, а также превознесению духа над плотью в христианской догматике и лишению плоти ореола святости. На примере текстов ППСС-2 выстраивается четыре уровня отношений между семантическими компонентами «плоть» и «дух». Два других компонента «семантического поля» со

⁶¹ Кавычки при наименованиях «семантических полей» и смысловых компонентов обусловлены тем, что данная работа – литературоведческое, а не религиозно-философское исследование, поэтому речь в ней идет только об авторском словоупотреблении.

⁶² Еще Н.А. Бердяев указал на то, что «“плоть” многозначна у Мережковского, и он постоянно играет этим пленительным словом. Сама эта многозначность помогает ему» (Бердяев Н. Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 338).

значением «пол» – «мужское» и «женское» – представлены на страницах ППСС-2 как взаимодополняющие начала. В мировоззрении Мережковского особое место занимает образ андрогина (восходящий к античному мифу о Гермафродите и речи Аристофана в платоновском «Пире»), символизирующий полноту и единство пола, разделенного на мужской и женский. Необходимо отметить, что мужское и женское начала понимаются Мережковским не столько в буквальном (физиологическом), сколько в метафизическом смысле – как абстрактные духовно-психологические категории, «полюса мира», находящиеся в состоянии «*нездешней* противоположности»⁶³. Второе «семантическое поле» со значением «религия» складывается из компонентов «язычество» – «христианство», «Христос» – «Антихрист», «историческая Церковь» – «грядущая Церковь». В этом разделе исследования не рассматриваются такие смежные вопросы, как «государство и церковь», «раскольничество и сектантство», «революция и религия», поскольку они наиболее тесно связаны с биографией Мережковского и уже затронуты на тематическом уровне. Кроме того, речь не идет о характеристике религиозно-философских взглядов писателя во всей сложности и полноте. Многие в этом направлении уже сделано в работах Н.А. Бердяева, В.В. Зеньковского, Вяч. Иванова, И.А. Ильина, В.В. Розанова, Г.В. Флоровского, Л. Шестова и др. Из современных исследователей нужно назвать В.В. Бычкова, И.В. Воронцову, П.П. Гайденко. *Предпринятое рассмотрение носит сугубо литературоведческий характер и имеет своим предметом стратегии и формы текстуальной презентации религиозной темы в ППСС-2.* В качестве метода философского конструирования Мережковский тотально применяет триаду, и в художественных, и в нехудожественных текстах, что подтверждает правомерность их совместного рассмотрения, в результате которого сделались очевидными два факта. Во-первых, граница между художественными и нехудожественными работами писателя порой внешне условна. Это связано со стремлением автора к документальности или ее имитации, которое реализуется благодаря включению в произведения большого числа исторических персонажей (от главных до второстепенных) и соответствующих «интимных» жанров (дневников, писем, записных книжек). Этим же обусловлена необходимость привлечения к анализу всех произведений, невзирая на их родо-видовую принадлежность. В результате в один доказательный ряд попадают как прямые авторские высказывания, так и реплики персонажей. Причина такого подхода к материалу – в специфических чертах творчества самого Мережковского, который, согласно проницательному наблюдению В.В. Бычкова, в обращении с историческим и культурным материалом предвосхитил

⁶³ Мережковский Д.С. Ночью о солнце // Мережковский Д.С. Было и будет. Дневник. 1910 – 1914; Невоенный дневник. 1914 – 1916. М., 2001. С. 257.

«почти любого “продвинутого” писателя постмодернистской ориентации»⁶⁴. Во-вторых, критика и публицистика писателя представляют собой развернутую экспликацию смыслов, существующих в художественной форме, а вместе с тем используются автором как средство их актуализации и расширения проблемно-тематического поля во времени и пространстве.

В третьем параграфе («Композиционные связи») показано, что система переключек между рассмотренными «семантическими полями» складывается из образов персонажей (с соответствующими характеристиками и ценностными ориентациями), а также из ситуаций, в которых они оказываются. Здесь, как и прежде, преобладают следующие композиционные приемы: повторы и их вариации, со- и противопоставления⁶⁵. Принцип антиномий распространяется Мережковским на героев, ключевые из которых выстраиваются в типологические пары. Основополагающими из них являются: «отцы – дети», «деятели – созерцатели», «рационалисты – иррационалисты». На ситуациях «середины», «завершения» и «начала», в которые Мережковский помещает противоречивых, находящихся в разладе с собой личностей, держится разветвленная система двойников (Петр I и Алексей, Павел I и Александр I, Л. Толстой и Достоевский, Хлестаков и Чичиков, Раскольников и Макиавелли, Рогожин и Мышкин и др.), помогающих соотнести отдельные тексты внутри ППСС-2, связать разорванные компоненты формы в смысловое целое. ИмPLICITные связи, образующие смысловой каркас ППСС-2, ассоциативно (через заглавия и подзаголовки) обнаруживаются в «Содержании полного собрания сочинений Д.С. Мережковского», которое включает все издание. Единство композиции поддерживается не только с помощью ассоциативных связей, но и на границах отдельных произведений, циклов и сборников. В роли стыковочных компонентов между ними выступают «авторские микротексты», увеличивающие когнитивную нагрузку на читателя: названия и подзаголовки, предисловия, эпиграфы, абсолютные начало и конец произведений как маркированные позиции (речь, таким образом, идет не об одном рамочном тексте). И хотя, по справедливым словам Б.В. Томашевского, «собраний сочинений никто подряд не читает»⁶⁶, «авторские микротексты» у Мережковского делают такое чтение не только возможным, но и желательным.

⁶⁴ Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М., 2007. С. 137.

⁶⁵ Несмотря на то что большая часть примеров взята из прозы, принцип антиномий носит у Мережковского тотальный характер. Применительно к поэтическому наследию писателя И.В. Гречаник убедительно доказала, что «излюбленным приемом, на котором строится стихотворение, является антитеза, рождающаяся из понятий, совсем не обязательно противостоящих друг другу вне контекста» (*Гречаник И.В. Религиозно-философские и стилевые тенденции в лирике первой трети XX века: Д. Мережковский, А. Блок, Н. Клюев: дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 1998. С. 173*).

⁶⁶ Томашевский Б. Писатель и книга: Очерк текстологии. Л., 1928. С. 196.

В «Заключении» подводятся общие итоги выполненной работы и формулируются выводы, содержащиеся в положениях, выносимых на защиту.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора (30 публикаций общим объемом 54 п.л.):

Монографии

1. Холиков А.А. Дмитрий Мережковский: Из жизни до эмиграции: 1865 – 1919. СПб.: Алетейя, 2010. – 152 с.
2. Холиков А.А. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. – 344 с.

Научные публикации в ведущих рецензируемых журналах,

рекомендуемых ВАК РФ

3. «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...»: Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому / Вступительная статья, публикация и комментарии А. Холикова // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 135 – 185.
4. Холиков А.А. О письмах русских писателей – эмигрантов первой волны к М. Хандамирову: К вопросу о русско-шведских культурных связях // Вопросы литературы. 2008. № 3. С. 335 – 345.
5. Холиков А.А. «Мало ли что из подлости можно сделать!»: Об эволюции взглядов Д. Мережковского на учение Л. Толстого // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 454 – 467.
6. Холиков А.А. [Рец.:] В.Н. Быстров Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Петербургская биография. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 344 с. // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 494 – 497.
7. Холиков А.А. [Рец.:] Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907 – 1917. В 3 тт. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009 // Вопросы литературы. 2010. № 5. С. 490 – 493.
8. Холиков А.А. [Рец.:] Клинг О.А. Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов: проблемы поэтики. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. 356 с. // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 486 – 487.
9. Холиков А.А. Полные собрания сочинений русских писателей: вопросы истории и типологии // Обсерватория культуры. 2011. № 2. С. 116 – 123.

10. Холиков А.А. Д.С. Мережковский в истории русской литературы досоветского периода // Мир русского слова. 2011. № 1. С. 73 – 77.
11. Холиков А.А. Принципы научного изучения прижизненных полных собраний сочинений русских писателей // Филологические науки. 2011. № 3. С. 15 – 25.
12. Холиков А.А. Основные научные работы о Д.С. Мережковском: материалы к библиографии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III: Филология. 2011. Вып. 2 (24). С. 107 – 167.
13. Холиков А.А. Научно-справочный аппарат в прижизненных полных собраниях сочинений русских писателей (к постановке проблемы) // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 2. С. 38 – 45.
14. Холиков А.А. «Полное собрание сочинений русских писателей: вопросы истории и типологии». Приложение к статье // Обсерватория культуры. 2011. № 3. С. 126 – 127.
15. Холиков А.А. Мережковсковедение: становление, развитие и современное состояние // Библиография. 2011. № 4. С. 114 – 122.
16. Холиков А.А. Авторское предисловие к прижизненному полному собранию сочинений Д.С. Мережковского: «рефлексивный» аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2012. Т. 12. Вып. 1. С. 82 – 86.
17. Холиков А.А. Пол как «семантическое поле» во втором прижизненном полном собрании сочинений Д.С. Мережковского [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». 2013. № 3. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/431> (дата обращения: 23.03.2014).
18. Холиков А.А. Исследовательские возможности текстологии: случай Д. Мережковского // Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 40 – 74.
19. Холиков А.А. «Религия» как сверхтема во втором прижизненном полном собрании сочинений Д.С. Мережковского // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. 79 – 87.
20. Холиков А.А. Русское академическое литературоведение начала XX века и традиция Александра Веселовского // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 5. С. 116 – 139. – В соавт. с В.Е. Хализевым.
Публикации в зарубежных журналах и сборниках
21. Kholikov A. Writer's Biography: Genre without Rules // Social Sciences. 2009. № 2. P. 51 – 66.

22. Холиков А.А. «Авторские микротексты» в прижизненном полном собрании сочинений Д.С. Мережковского (к постановке проблемы) // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. Серія: Літературознавство. 2012. Вип. 2 (70). С. 107 – 115.
23. Холиков А.А. *Автобиографическая заметка* Д.С. Мережковского как механизм самозапечатления в культурной памяти [Электронный ресурс] // *Avtobiografija: Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa*. Padova, 2012. № 1. P. 89 – 100. URL: <http://journals.padovauniversitypress.it/avtobiografija/content/refraction-self-autobiographical-forms-and-genres-and-memoirs-russian-culture-19th-and-20th> (дата обращения: 23.03.2014).
24. Холиков А.А. Забытая история одного текста («Чехов и Горький» Д.С. Мережковского) // *Діалогі молодих філологів: колективна монографія / Упор. і редктор О.А. Андрущенко*. Київ, 2013. С. 52 – 61.
25. Холиков А.А. Трансформация памяти о писателе на пересечении словесного и визуального «пространств» [Электронный ресурс] // *Avtobiografija*. Padova, 2013. № 2: The Space of Memory. Russian Auto-Biographical Genres and European Context. Part 1. P. 73 – 87. URL: <http://journals.padovauniversitypress.it/avtobiografija/content/space-memory-russian-auto-biographical-genres-and-european-context-part-i> (дата обращения: 23.03.2014).
26. Холиков А.А. Прижизненные полные собрания сочинений Д.С. Мережковского с точки зрения истории литературы [Тезисы] // *Дев'ятнадцаті міжнародні читання молодих вчених пам'яті Л.Я.Лівшиця*. Харків, 2014. С. 117 – 119.
- Другие публикации по теме диссертации*
27. Холиков А.А. Д.С. Мережковский и В.Я. Брюсов в спорах о Л.Н. Толстом // *Брюсовские чтения 2006 года*. Ереван, 2007. С. 429 – 435.
28. Холиков А.А. Мережковский Дмитрий Сергеевич // *Русские писатели, XX век: биограф. слов.: А – Я / Сост. И.О. Шайтанов*. М., 2009. С. 354 – 356.
29. Холиков А.А. «Автобиографическая заметка» Д.С. Мережковского: стратегия самосотворения // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. Т. 17. Сер.: Гуманитарные науки. Энтелехия. 2011. № 23. С. 46 – 50.
30. Холиков А.А. Литературоведение *sub specie scientiae*: ретроспективный взгляд из XXI века // *Русская словесность*. 2012. № 2. – Электронное приложение № 1/2012.